

фику Византии, отличающую ее от стран Западной Европы, в доминирующей роли государства. В таком ракурсе политические коллизии XI в. воспринимаются как поворотный пункт византийской истории на ее пути к экономическому упадку. На самом же деле, и это А. Харвей подчеркивает в Заключении, XI век характеризуется устойчивым подъемом экономики, которая успешно развивается и в следующие, XII столетия (с. 244). Наконец, хотелось бы отметить, что исследование А. Харвея является несомненным свидетельством непосредственной взаимосвязи науки и общественной

жизни. В то время как отечественные историки переживают пору смятения и некоторые из них спешат к иногда беспочвенной переоценке ценностей, кембриджский ученый, усвоив – и не столько буквально, сколько по духу и сути – опыт и достижения отечественной историографии последних десятилетий, сумел преодолеть шаблонные представления “западного” образца и достичь нового качественного уровня в понимании социально-экономических проблем истории Византии.

Ю.Я. Вив

Byzantine Diplomacy / Ed. by J. Shepard, S. Franklin. Hampshire-Brookfield (Vermont): Variorum, 1992. 333 p., map, ill.

Всегда отрадно появление новых византиноведческих серий. “Византийская дипломатия” стала первым томом новой в ряду публикаций “Variorum” серии Общества содействия византиноведческим исследованиям. Рецензируемая книга представляет собой издание материалов очередного, XXIV международного весеннего коллоквиума, организованного британскими византистами в Кембридже в 1990 г. и посвященного византийской дипломатии. Дж. Шепард и С. Франклин собрали под одной обложкой исследования византинистов разных стран и подчас различных научных школ, объединенных стремлением вернуться к византийской дипломатии и внешнеполитической проблематике почти через 30 лет после Охридского конгресса, на котором Д.Д. Оболенский, Д. Моравчик, Д. Закитинос и др. представляли в докладах фундаментальные, как казалось, разработки проблемы.

Именно отталкиваясь от заключений того далекого уже времени, характеризует понятие византийской дипломатии А.П. Каждан. Думая об обще-византийских принципах и методах дипломатии, необходимо, по мысли исследователя, иметь в виду и локальные их особенности, соответствующие региональной специфике их применения: византийское самосознание превосходства над “северными варварами” контрастирует с отношениями равноправного партнера (в идеальном плане) с древними восточными монархиями, государствами ислама. “Эластичность” византийской дипломатической доктрины столь же очевидна при ее анализе в диахронии: на зкате империи посольские вояжи на запад Иоанна V Палеолога в поисках союзников-защитников характеризуют принципиальный сдвиг в дипломатической стереотипике ромейской державности, отказавшейся от церемониального традиционализма, сосредоточенного на торжественных приемах иностранных посольств в столичных дворцах, в присутствии символизирующих вселенское могущество василевсов. Это относится и к династическим бракам с “варварами”, невозможными в принципе до VII в. Впрочем, в исторической ретроспективе можно выделить несколько хронологически поворотных моментов в истории, скажем, взаимоотношений Византии с Западом, характеризующих, по Т. Лунгису, переходом от сбалансирован-

ной внешнеполитической ситуации к новому дисбалансу отношений, как это случилось и в середине VIII в., и в эпоху Крестовых походов.

Однако прав А.П. Каждан, отмечая неприменимость данного принципа анализа к другим регионам, окружавшим Византию. Отграничивая понятие дипломатии от внешней политики, автор вслед за Д. Закитиносом концентрируется на технике формирования международных отношений, дополняя такие ее моменты, как дипломатическая переписка, составление документов, организация посольств, соблюдение прав послов, этикет приемов, различные формы союзов (династические браки, торговые соглашения, военные договоры, утверждение статуса иностранцев), установление границ и т.д., еще порядком приема посольств и влиянием на культурный взаимообмен.

Византийская дипломатия была по преимуществу оборонительной, как и византийский универсализм был скорее консервативным, чем экспансионистским. Целью дипломатических актов, как например, интернациональных браков, был мир: не случайно неизменные невесты, будь то Берта Зульцбах, или Иоланта де Монферан, или Адельгейда Брауншвейгская, принимали на византийской земле православное имя Ирина, т.е. “Мир”: Византия не исповедовала идеи ни Священной войны, ни “справедливых войн”.

Особое значение в проведении византийских дипломатических акций приобрели полуассальские государственные образования в пограничной лимитрофной зоне. Создание системы государств-сателлитов или феодальных княжеств в пограничье отвечало внешнеполитическим задачам византийской дипломатии. Византийская дипломатическая идеология проявлялась в применении категории “сын” (“духовный сын” – в церковном варианте) или “брат” (по отношению к теоретически равному партнеру, например Персидскому монарху) в обращениях к главам государств. Однако поздневизантийская практика обнаруживает крах экуменического универсализма византийской дипломатической доктрины: государство на проливах уже осмысляет себя в мире многочисленных равных европейских государств.

Второй раздел книги посвящен рассмотрению

каждого из трех основных выделяемых периодов византийской дипломатии. Ранневизантийская дипломатия IV–IX вв. анализируется Е. Хрисосом, отметившим в качестве принципиального изменения за эти столетия в принципах и целях дипломатии – отказ от политики экспансии. Однако для Юстиниана мир не был “миром равных”, но скорее классическим *paх Romana*, утверждаемым, если надо, силой. Мирные договоры с арабами в VII в. символизировали признание за ними доминирующего положения на востоке ойкумены. Теми же идеями отмечены и соглашения с ломбардцами и аварами. Так, цели сохранения (и восстановления) изначальных границ Римской империи уступали место концепциям “оборонительного универсализма”.

Д. Шепард, рассматривая византийскую дипломатию следующего периода – вплоть до 1204 г., – показывает, как оборачивается активизация византийского экспансионизма в его начале рядом последовательных сокрушительных поражений Византии (Манцикерт – Мириокефал – Крестовые походы). Если византийская дипломатия IX–X вв. исходила из позиций непреступности Константинополя, то уже в XII в. все государство было принципиально доступно и проходимо для реального или потенциального врага. На смену гордому государству автономии изоляционизму приходит реальность взаимосвязей с внешним миром. Действительно, постепенно династические браки с иноземцами становятся правилом, императорская гвардия также формируется из наемников из дальних стран, они одариваются византийскими титулами и большими суммами денег. Традиционная дворцовая дипломатия василевсов дополняется по необходимости дипломатией компромиссов на переговорах.

Заключительный этап эволюции византийской дипломатии анализируется Н. Икономидисом. Характерной особенностью этой эпохи представляется оппозиция глорифицированного прошлого и суровой действительности, реалий настоящего. Однако интересным парадоксом эпохи можно считать по-прежнему почтительное отношение иноземных дипломатов по отношению к Византии, словно не замечаящих ее превращения в маленькое по территории государство, отмеченное чертами декаданса.

В условиях обострявшегося внешнеполитического противостояния важнейшими моментами дипломатической деятельности становятся религия, церковь, идея православия. Анализируя состав и руководство поздневизантийских посольств, исследователь приходит к выводу о повышенном внимании к формированию посольской дипломатической службы, в которую попадают несчастливые люди, представители знатных фамилий, преданных императору, эрудированные клирики, образованные ученые-гуманисты, появляются и представители предпринимательских кругов. Практически единственной главной целью дипломатической активности Палеологов, значительно большей, чем в предыдущие периоды, оказалось лишь продление

жизни государства. Путем нередко сталкивания противников друг с другом эту агонию удалось растянуть на целых два столетия, и с этой точки зрения палеологовская дипломатия может быть оценена как необычайно успешная.

Ряд работ книги посвящен отношениям Византии со своими контрагентами. Ю. Херрин рассматривает отношения с Римом и франками в VII–VIII вв., Т. Нунан – особенности связей с хазарами, заключение династических браков с которыми в VIII в. соседствовало с непосредственными столкновениями в Причерноморье; Х. Кеннеди характеризует византийско-арабскую дипломатию на Ближнем Востоке со времени утверждения ислама до середины XI в., выделяя аспекты культурно-эстетических взаимовлияний. Соотношение дипломатии и идеологии характеризуется С. Франклином в связи с реакцией византийской церкви на происходившие изменения в древнерусской княжеской иерархии в середине XII в.: на международную арену выходили новые центры “всеза Русь” – на северо-востоке государства Рюриковичей с утрачивающим свое значение Киевом. К. Хопвуд касается дипломатических контактов Византии с турками-османами.

Специальный раздел книги посвящен источниковедению византийской дипломатии. Так, Р. Скотт возвращается к передаче Иоанном Малолой византийско-персидского мира 532 г.; К. Шуммер – к свидетельствам Лиутпранда Кремонского, выявляя источник различий “посольства” и “возмездия”; М. Маллет обращает внимание на язык дипломатии с присущими ему формулами, аллюзиями, этикетными особенностями. Специально хочется отметить работу И. Шевченко “Перечитывая Константина Багрянородного”, выделяющуюся и по форме, и по объему, и по содержанию. Мистическим образом оценку как свидетельствам Константина Порфирогенита, его современникам и последователям, так и научным исследованиям о них дает... сам багрянородный василевс, от имени которого (в виде, как сообщает американский византист, полученного письма “из Уранополиса”, т.е. с небес) и ведется повествование. В тексте письма-эпопи прежде всего дезавуируется авторство Константина столь многочисленного количества литературных сочинений, сохранившихся под его именем (в том числе и Жизнеописания Василия). Вотрых, обращается внимание на преувеличение распространенного в науке мнения об учености вдохновителя “македонского ренессанса”, о чем свидетельствуют современники и непосредственные литературные исследователи Константина. Вообще вновь помечается печатью скепсиса не само понятие “ренессанса”, почти не известное литературе самой эпохи македонских правителей. Коллечественные подсчеты использования текстов античных авторов в компендиумах под именем Константина показывают и сравнительно небольшой удельный вес классического наследия в большинстве из них – от 0,5–2 до 10%. Критике подвергнут и ставший трионизмом тезис об элитарности языка и стиля Константина: напротив, с языково-стилисти-

ческой точки зрения его произведения отвечали литературным стандартам его времени. Делается шаг и к сравнительно-исторической оценке эпохи Константина, сопоставимой с современными ей явлениями в древних культурах Востока, таких, как скульптура индийского храма в Каджухаро или "Записи у изголовья" Сэй Сёнагон.

С последним аспектом темы связаны и статья раздела об искусстве как средстве и языке дипломатии. Р. Кормак с этой позиции рассматривает предметы, ставшие дипломатическими дарами и подношениями, игравшими важнейшую роль в дипломатических играх византийского двора, а также значимые архитектурного убранства Константинополя, художественного впечатления от его храмов и дворцов, использовавшихся как средства эмоционального воздействия на иноземных послов и гостей. "Шелковой дипломатии" Византии – до распространения в Европе западного шелка – посвятила свою главу А. Матеус. Таким же дипломатическим средствам, правда, скорее всего, лишь в особых, исключительных ситуациях становились и подарочные книги со специально выполненными превосходными миниатюрами, представленные Д. Лоуденом.

Социальные аспекты византийской дипломатии включают в себя проблему династических браков и форм породнения по политическим мотивам, пред-

ставляемую Р. Макридис, а также вопрос о риске войны в дилемме "кровь и чернила" дипломатической практики, тонко расследуемой Д. Холдовом, как и изменение роли императорской персоны в его дипломатической дворцовой деятельности и военно-полевой в связи с изменением ее геополитического ареала, рассмотренные М. Уйтби. Здесь же Д. Смит ставит вопрос об усилении роли иноземцев в непосредственном окружении императоров, начиная с XI в., что выразилось и в дипломатическом церемониале. Наконец, П. Антонопулос соотносит понятия "успехов" и "промахов" византийской дипломатии, по-разному оцениваемые на различных этапах ее истории и раскрывающиеся как в общих, "вечных" ее целях и принципах, так и в стоящих за ними и подчас трудно уловимых конкретных задачах и средствах.

Отличительная особенность рассматриваемой книги не столько в предоставлении какого-то нового фактического или источниковедческого материала, сколько в попытке по-новому взглянуть на старые проблемы, поставить нестандартные вопросы к традиционным сюжетам, наконец, в стремлении к скорее историко-культурологическому, чем военно-политическому подходу к такому сугубо византийскому феномену, как дипломатия.

М.В. Бибиков

Origone S. *Bisanzio e Genova. Genova, 1992. 364 p.*

В предисловии к рецензируемой книге немецкий византист П. Шрайнер удачно обыгрывает древнюю этимологию топонима Генуя *Lanua*, сравнивая столицу Лигурии с Янусом, два лика которого были обращены и на Востока и на Запад. Действительно, экономическое процветание Генуи и ее политическая роль в средние века были связаны с посреднической деятельностью купечества республики на западных и левантских рынках одновременно. Монография профессора Генуэзского университета С. Оригоне, однако, в большей мере затрагивает не этот аспект, достаточно известный благодаря трудам многих поколений исследователей Генуи от М. да Канале и К. Манфрони до М. Балара и Дж. Пистарино. Она открывает византийскую перспективу, последовательно показывая, чем была Генуя для Византии и в глазах византийцев. С. Оригоне известна и как исследовательница архивных документов¹. Однако в этой работе неопубликованные источники занимают скромное место. Главное в ней – показ важнейших процессов и явлений в отношениях Империи ромеев с Генуей на основе уже изданных материалов. Правда, в специальном приложении С. Оригоне соотносит подлинные акты дипломатических сноше-

ний двух государств, хранящиеся в "Секретном архиве" Генуи с их изданиями и регестами (с. 273–288).

Наименее известна ранняя стадия отношений Генуи и Византии, в том числе период с 538 по 643 г., когда Лигурия входила в состав империи. Автор обоснованно полагает, что в то время Генуя играла роль важнейшей пристани на пути в Галлию и Испанию (с. 13–30). Первые прямые контакты на самом Леванте произошли в ходе I Крестового похода, когда генуэзцы в 1098 г. участвовали во взятии Антиохии (с.33). Но до конца XII в. сближению сторон препятствовали пронорманнская ориентация Генуи (с. 34) и провенецианская Византии (с. 43–44). Договоры 1155 и 1169 г. лишь модифицировали ситуацию, но не изменили ее коренным образом. В частности, Оригоне, как и многие исследователи², трактует запрет генуэзским купцам торговать в Матреге и Росии, сформулированный в хрисовуле 1169 г., как

² См., например: *Balard M. La Romanie Genoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. T. 1. P. 28–29. Not. 44; Idem. Byzance et les régions septentrionales de la mer Noire (XIIIe – XVe siècles) // RH. 1993. T. 288, N 1. P. 26–28; *Lilie R.-J. Handel und Politik zwischen dem Byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi (1081–1204). Amsterdam, 1984. S. 87–100; Day G.W. Genoa's Response to Byzantium 1155–1204; Commercial Expansion and Factionalism in a Medieval City. Urbana; Chicago, 1988. P. 26; *Капнов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990. С. 64–84 (там см. и лит. вопроса).**

¹ См., например: *Origone S. Chio nel tempo della caduta di Costantinopoli // Saggi e documenti. II, tomo primo. Genova, 1982. P. 121–124; Eadem. L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV // Saggi e documenti. Genova, 1983. III. P. 229–318; Eadem. L'Officium victualium a Caffa nella prima metà del secolo XV // Bulgaria Pontica. Sofia, 1988. II. P. 388–426.*